

Т. Л. Кузнецова

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЦЕПЦИИ
ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КОМИ ПИСАТЕЛЯ
К. ЖАКОВА***

Представлены результаты исследования связи творческого наследия К. Ф. Жакова, философа, создателя оригинальной философской системы, крупнейшего коми писателя, получившего известность в России начала XX в., с коми прозой кон. XX – нач. XXI вв. Выявлена близость художественных поисков К. Жакова с творчеством прозаика А. И. Вурдова. Показано, что наряду с родством черт жанровой специфики (опыты малой прозы, зачастую определяемые как очерки или близкие к очеркам) и характерообразования А. Вурдова сближают с творческой манерой великого К. Жакова также особенности повествования.

Ключевые слова: коми литература, К. Ф. Жаков, А. И. Вурдов, новейшая коми проза, литературные традиции, особенности характерообразования, специфика нарратива.

В сложный период, когда современное общество переосмысливает исторический опыт, творческое наследие К. Жакова, бывшее в забвении, становится духовно близкой средой, что питает традиции культуры и во многом определяет своеобразие художественного осмысления драматичного времени новейшей коми прозой**. Как в творчестве известного писателя и философа, так и в коми прозе кон. XX – нач. XXI вв. нашел воплощение дух эпохи порубежья, когда художнику весьма непросто было воссоздать реальную картину мира: эсхатологические ощущения соединяются со стремлением переосмыслить прошлое, выразить возвышенно-романтическое видение истории народа (произведения Г. Юшкова, И. Торопова, В. Тимина, Е. Рочева, Н. Куратовой, А. Ульянова, А. Попова и др.)***.

* Публикация подготовлена в рамках Проекта Комплексной программы УрО РАН 2015 г. № 15-13-6-4 «Коми литература: опыт художественного развития в связях с классическим наследием».

** Об этом подробнее: [Кузнецова 2009, 103–109; Кузнецова 2009, 430–447; Кузнецова 2015, 488–499].

*** О художественном опыте коми литературы данного периода подробнее: [Кузнецова 2000, 112–124].

Весьма значимым в исследовании связи творческого наследия К. Жакова с социокультурной практикой современности представляется нам также феномен близости к нему в художественном осмыслении действительности конкретного писателя. Наряду со сходством в восприятии времени, непростого, насыщенного неразрешимыми противоречиями и катаклизмами, К. Ф. Жаковым и новейшей коми литературой, имеет место также родство эстетического характера между двумя писателями: мы имеем ввиду типологическую близость к нему творчества современного автора – А. И. Вурдова.

Коми писатель Алексей Иванович Вурдов, 1956 г. р., работающий в основном в прозе, подобно К. Жакову, поступив в высшее учебное заведение, большую часть жизни провел вдали от Коми, в других регионах России. В нач. 2000-х гг., будучи уже в зрелом возрасте, он ощутил необходимость вернуться в отчий дом, в родное село Кослан Удорского р-на Республики Коми и обратиться к перу*. Он издал 4 книги, работая в основном в малых формах прозы.

При том что К. Жаков стремится к достоверному воссозданию аспектов истории и культуры родного народа, им движет также необходимость осмыслить мировоззренческие основы бытия, познать особенности менталитета немногочисленного народа коми, его духовного мира. Подобно ему А. И. Вурдов, представляющий коми прозу кон. XX – нач. XXI в., обращается в предисловии к малой прозе «Сир войт» (Капелька смолы, 2007) к читателю: «Чайта, олӧм дорӧ коми морглӧн аслыспӧлӧс философия ...» (Думаю, в отношении к жизни у коми своя философия...) (подстрочный перевод здесь и далее наш. – Т. К.) [Вурдов 2007, 5]. А в послесловии к книге «Ирвинские сны» (2008) конкретизирует эту мысль: «Самобытная культура, традиции, уклад жизни коми-зырян – это не только этнографический материал, все это имеет свой философский смысл»** [Вурдов 2008, 142]. Подобно К. Жакову, который в своем творчестве*** стремится выявить философские основы противоречивых исканий современников, рожденных непростым временем порубежья, А. Вурдов в одноактном драматическом произведении «Кыдзи лӧсявны збыльторлы?» (Как соответствовать реальности?, 2015), которое он охарактеризовал как «олӧм-вылӧмлӧн философия йылысь ӧти юкӧна пьеса (одноактная пьеса о философии жития)», пытается сформулировать важнейшие вопросы онтологического характера, крайне важные для современника. Так что подобные раздумья лежат в основе как литературно-художественных творений великого К. Жакова, так и многих произведений современного коми прозаика. Можно сказать, что сближают их смыслообразующие основы творчества. Горькое признание К. Жакова: «Я хочу помочь зырянам, но не имею никаких средств на это» [Жаков 1914, 152–153], – звучит в исповедальном монологе, формирующем художественную ткань романа А. Вурдова «Сквозь строй жизни», испытывающего острую необходимость выразить сыновние чувства к родному народу коми. Отсюда, на наш взгляд, настойчивая необходимость ваять

* Находим, что необходимо остановить внимание и на таком значимом событии жизни писателя: в июне 2014 г. А. И. Вурдов отправился на юго-восток Украины, вступив в ряды ополченцев. На войне он получил осколочное ранение и контузию.

** А. Вурдов пишет не только на коми, но и на русском языке.

*** В частности, наиболее выразительную форму это нашло в его романе «Сквозь строй жизни» (1914). Подробнее см.: [Кузнецова 1991, 23–32].

возвышенный образ родного народа в воссоздании его истории и характера, а также в исследовании духовного опыта, что воплощено в творчестве обоих писателей.

Малые формы прозы А. Вурдова роднит с творчеством К. Жакова и то обстоятельство, что так же, как и в произведениях К. Жакова, известного исследователя фольклора и этнографии финно-угорских народов, в опытах А. Вурдова отношение автора, исходящее изнутри, трепетное и глубоко личное, что дано прочувствовать рецепиенту, сродни и интересу исследователя к истории и культуре родного народа. Художественная ткань малой прозы и К. Жакова, и А. Вурдова такова, что правда жизни открывается в средоточии различных ее аспектов: социальных, этнографических, психологических и др. Внимание авторов приковано к народу коми как феномену социально-историческому, этническому, психологическому; писатели стремятся выявить черты самобытности родного народа, проявляющейся в его истории и культуре. Так, оба прозаика воссоздают особенности традиционной промысловой культуры коми (охоты, рыболовства), специфику хозяйствования, семейно-брачных отношений, достоверно изображают картины повседневной жизни, детали быта (рассказы К. Жакова «Страничка из жизни северной деревни», 1910; «Из жизни охотников на Вишере», 1911; А. Вурдова «Радлёмдз – дас кык верст» – «До Радлёма – двенадцать верст», 2007; «Лумпа туй» – «Дорога Лумпы», 2005; «Вунлытём аддзысьлём» – «Незабываемая встреча», 2007 и др.). Неспроста значительная часть малой прозы К. Жакова относится к жанру очерка, и для многих опытов А. Вурдова тоже характерны черты этого жанра («Педёр Ёнтиплён кыв» – «Слово Педёр Ёнтипа», 2007; «Кутш ёль» – «Орлиный ручей», 2007 и др.). Оба писателя внимательны к аспектам не только материальной, но и духовной культуры, внося в художественные тексты опыт устно-поэтического творчества народа. Известный исследователь коми фольклора и литературы А. Микушев справедливо отмечает, что в ряде произведений К. Жакова «...последовательно воспроизводится коми фольклорный источник...» («Атаман Шыпича», 1910) [Микушев 1991, 6]. А. Вурдов создал цикл малых прозаических форм – коротких рассказов, имеющих основой устное творчество народа и получивших название «Кывтёны-катёны (удораса сёрни-басни)» (Плывут по течению – поднимаются против течения (удорские разговоры-побасенки), 2007). Стремясь воссоздать целостную картину, оба автора обращают особое внимание на некоторые специфические аспекты истории и культуры коми. Так, К. Жаков освещает особенности уклада жизни старообрядцев (рассказы «Дарья Родионовна», 1908; «На Щугоре (из жизни печорских староверов)», 1910). В период, когда современное общество в целом и каждый человек в отдельности ощущают необходимость выявить и осмыслить свои духовные корни, А. Вурдов воссоздает страницы истории и культуры удорских коми, к которым относится сам; в частности, изображает процессы переселения русских старообрядцев на Удору, их адаптации (рассказ «Тайна о ските», 2008). Можно утверждать, авторы стремятся воссоздать добротную картину, убедительную воссозданием реалий жизни (в этом тоже одна из форм их служения родному народу). На наш взгляд, именно установка авторов (сродни исследовательской) воссоздать объективный многоаспектный облик народа коми, имеющая аксиологическую, мировоззренческую основу, сообщает концептуальность опытам их малой прозы.

Близость в художественном осмыслении жизни А. Вурдова к великому К. Жакову и в том, что мышление обоих писателей находит органичное выражение также в жанре сказки. По наблюдениям исследователей, «...литературная сказка неизменно активизируется в периоды значительных историко-культурных переломов, когда меняется духовная ориентация общества, когда осуществляется переход от разрушающейся старой концепции личности к еще не сформировавшейся новой...» [Липовецкий 1992, 43]. Но, думается, не только социокультурными факторами обусловлена близость сказок К. Жакова и А. Вурдова: корни их родства глубже. На наш взгляд, сказки К. Жакова становятся претекстом сказок А. Вурдова. Думается, слова жены К. Жакова Глафиры Никаноровны, характеризующие его поэму «Биармия» (1916) в письме к М. Горькому и утверждающую, что «...тут только художественная правда, простота, страстная любовь к Северу и жаркие мечты уйти из мира неправды, лицемерия, грубого эгоизма и т.п. в мир светлого вымысла», – можно отнести и к его сказкам («Бегство северных богов», 1911; «Ен и Омоль», 1913; «Гулень на небе», 1911 и др.).

Некая светлая глубина роднит сказки Жакова и Вурдова стремлением обоих авторов воссоздать давно минувшее как царство гармонии и благополучия; ощущением тяготением писателей к тому, чтобы выявить глубинные, мировоззренческие основы духовного опыта народа (отметим в заглавиях сказок А. Вурдова «Зарни ныв» («Золотая девушка», 2007) и «Эзысь сир войт» («Серебряная капелька смолы», 2007) скрытые аллюзии к произведениям К. Жакова – «Золотая сказка» (1911) и «Сказка серебряная» (1911): интенции авторов родственны). С данным обстоятельством коррелирует особая роль «субъектной организации» (термин Б. Кормана) повествования.

Известный социолог П. Сорокин, уроженец Коми, изгнанный из советской России в 1922 г. и основавший факультет социологии в Гарварде, справедливо отметил, что для произведений К. Жакова характерно «...сожаление о прошлом, идеализация этого прошлого» [Сорокин 2014, 64]. Отметим также пассеизм, во многом характеризующий мировоззренческие установки К. Жакова, близкий умонастроениям современного общества, в данном случае пассеизм, выражающийся в том, что авторы стремятся необходимым реанимировать фольклорный жанр (сказку), уходящий из культуры народа, а также в том, что воссозданные в литературных сказках художественные картины основаны на далеком прошлом коми (так, в произведении А. Вурдова «Зарни ныв» («Золотая девушка», 2007) это свидетельства представлений языческого характера, когда природа и человек составляют единое целое).

К. Жаков А. Вурдов близки и в особенностях конструирования художественного образа героя. Особенности характерообразования у обоих состоят в том, что образы крупных героев наполнены специфической энергией художественного обобщения: наряду с наличием специфических, индивидуализированных черт, они являют характер самого народа. Думается, что особенности характера Көрмөй Митя, главного героя произведения А. Вурдова, занявшего особое место в новейшей коми литературе (рассказ «Сизим лун Көрмөй Митълөн» («Семь дней Көрмөй Митя», 2007) связаны с традициями К. Жакова. А. Вурдов создает крупный характер, подобный характерам многих героев К. Жакова (героя поэмы «Биармия» (1916) Коми морт*;

* Немаловажно, что особенности характерообразования героев поэмы К. Жакова «Биармия» и данного произведения А. Вурдова коррелируют и с концептуальной основой

главного героя рассказа «Нялай» (1911) и др.), характер Көрмөй Митя являет закрепившееся в веках, словно вбирает духовный опыт народа, особенности его культуры.

В воссоздании психологии крестьянина, особенностей его мировоззрения и образа жизни отметим близость данного произведения А. Вурдова и к знаменитому рассказу коми писателя В. Т. Чисталева «Трипан Вась» («Василий Трифонович», 1929). Однако, если В. Чисталеву важно было воссоздать характер крестьянина, верного усвоенным веками навыкам деятельности и образу жизни, то А. Вурдов, подобно К. Жакову, стремится утвердить возвышенную мысль о великом прошлом народа коми. В формировании нарративной ткани писатели стремятся достичь эффекта особой значимости характера героев. Изображая реалии будней, писатели строят повествовательные конструкции таким образом, что описание даже незначительных деталей насыщено неким смыслом «вековечности»: рецепиенту дано прочувствовать, что за действиями, поступками героя (его отношением к миру) стоит многовековой опыт семьи, рода, наконец, всего народа. Данный художественный феномен охарактеризуем словами Д. С. Лихачева о стремлении авторов «...найти общее, абсолютное и вечное в частном, конкретном и временном, “невещественное” в вещественном...» [Лихачев 1997, 232].

Остановим внимание еще на одной специфической особенности повествования. Нарратор организует его таким образом, что описание события, изображение действия, воссоздание вещно-предметного мира насыщается значением более глубоким: читателю дано прочувствовать, разглядеть также духовную составляющую жизни: сконцентрированный в образе жизни и во внутреннем состоянии героя, в его мыслях и чувствах, духовный опыт народа. Не что иное, как широта души, могучая сила духа воплощены в танце Нялая, главного героя одноименного рассказа К. Жакова, как человека неординарного, одаренного. Эта сцена насыщается метафорическим значением: «Сначала он тихо, плавно делал удары ногой, мощными руками упираясь в бока. Звуки гармоники крепчали, и Нялай быстрее двигался, пускаясь вприсядку. Вдохновляемый общим вниманием и многообещающим видом пляшущего великана, Терешка играл все бойчее и увереннее, а страстные звуки опьяняли Нялая, возбуждали его...

Рагоряченный и уже неистовый, он колесом прокатился сквозь толпу, опрокидывая людей. Толпа росла; как шум моря, ропот тысячеустой толпы повторял одно: “Нялай пляшет! Нялай пляшет!”.

Наконец, Нялай остановился и, соблюдая такт гармоники, разломал изгородь мужика Петра, сорвал столбы с крыльца дяди Ивана, затем, размахивая в бешеной пляске руками, ударил рыжего мерина по толстому задку, и мерин присел и фыркнул от неожиданности: Нялай, как вихрь, понесся дальше, невзначай поколотил троих мужиков и двух баб, которые тут же закричали свирельным голосом, и в заключение взял огромный камень, лежавший близ колодца мужика Габова, и бросил его через амбары. Камень, свистя и жужжа, перелетел через двухскатную крышу, упал в огород тетки Дарьи и глубоко ушел в землю. Нялай же, потрясая

произведений: так же, как известное произведение К. Жакова, вышеназванный рассказ современного коми прозаика утверждает мысль о прошлом народа коми как царстве благополучия и совершенства, жизнь которого основана на законах добра и чести.

воздух громким криком «Я вам!» и угрожая небу и земле кулаками, как Атилл, прошел среди затихшей толпы к свату Степану, напился до полусмерти, избил полицейских, пытавшихся его схватить, и после этого спал три дня и три ночи.

Он был вне установлений жизни и ее законов, не вмещааясь ни в какие нормы».

Не случайно и то, что Жаков обращается к гиперболе в изображении данного героя: находясь в толпе, Нялай возвышается над своими односельчанами, обладая недюжинной силой, он в танце хватает столб, швыряет огромный камень, да так, что тот зарывается глубоко в землю. После неистового танца Нялая, подобно сказочному богатырю, спит три дня и три ночи. Ритм действий Нялая, составляющих его танец, сродни разгулу природной стихии. Эти свойства образа Нялая также «выдают» обобщенный характер героя: в его образе, возвышенном, по-своему величественном, находит воплощение характер целого народа.

А в рассказе А. Вурдова «Сизим лун Кӧрмӧй Митьлӧн» описание основной достопримечательности охотничьей избушки – большой печи – не только представляет образчик материальной культуры народа, но и открывает нечто, органично связанное с традиционным образом жизни и духовными основами, выработанными веками: *«Но медыджыд эмбурыс, кодӧ синтӧ гажӧдӧс вӧр керкаын, сулалӧс пыранӧсянь кык воськов ылнаын – паськыд мегыр вома пӧжасян пач. Майбыр, эз быд кыйсьысь вермы оийысьны татшӧм пачӧн. А Кӧрмӧй Мить тӕчлӧс сӧйӧс кум во сайын на. Онӧдз шог эз тӧд ни пусигӧн, ни сӧй дозмук ӧжигайтӧгӧн, ни нянь пӧжалӧгӧн, ни кӧтасьӧм паськӧм косьтӧгӧн, ни кӧдзыд тӧвсь вояястӧ узьлӧгӧн. Да и кос веськӧдны, кокъястӧ шонтыны кымалӧмъяс бӧрти пач бокын куйлӧмӧн – некутиӧм мӧд бурдӧдчан оз ков, медым дзоньвидзалун не воштыны»*.^{*} Но самое значимое имущество, что радовало глаз в лесной избушке, стояло в двух шагах от входа – с широким дугообразным ртом большая печка, предназначенная для выпекания. Небось не каждый охотник может похвастаться такой печкой. А Кӧрмӧй Мить сложил ее еще три года назад. До сих пор не знал горя ни при приготовлении еды, ни при обжигании глиняной посуды, ни при выпечке хлеба, ни при просушивании промокшей одежды, ни тогда, когда спал в холодные зимние ночи. Да и поясницу выпрямить, согреть ноги после того, как застудишься, лежа рядом с печкой – никакого другого лекарства не надо, чтобы здоровье не потерять».

Специфика художественного осмысления придает особые эстетические свойства малой прозе и Жакова, и Вурдова*. Семантическая сгущенность граничит, с одной стороны, с символизацией: художники ощущают необходимость в создании своеобразного памятника родному народу, возвеличивающего его историю и культуру. На наш взгляд, в осмыслении особенностей художественного мышления К. Жакова и современного коми прозаика А. Вурдова важно иметь в виду, что «практически большая часть произведений реалистического и романтического направлений в искусстве, жанры водевиля, оперетты, все массовое искусство находятся на этих ступенях художественно-эстетической содержательности – обладают художественной образностью того или иного уровня, но лишены высшей ступени художественного символизма. Он характерен только

* Следует отметить, данные особенности, имеющие эстетическое воздействие, часто не поддаются вербальному описанию и порой интуитивно, на уровне чувств, воспринимаются реципиентом.

для высокого искусства любого вида, в том числе и для сакрально-культовых произведений высокого художественного качества. Именно такие произведения, как правило, составляют фонд мировой художественной классики, то есть являются эстетически актуальными для человечества в достаточно широких хронологическом и пространственном диапазонах» [Бычков 2012, 89]. На наш взгляд, с данными особенностями художественного осмысления жизни обоими авторами коррелируют и тяготение к формированию крупного образа, и статичность семантических аспектов образа. Отметим, что природа художественной ткани подобного образа очень непроста: наряду с указанными особенностями смысловых аспектов, в ней живут и светлая энергия, возвеличивающая духовный опыт народа, и глубокая сила любви к родному народу. Эти художественные особенности придают глубину опытам малой прозы К. Жакова и А. Вурдова.

Итак, при сходстве в переживании жизни К. Жаковым и новейшей коми прозой имеет место близкое его родство с творческим наследием крупнейшего художника слова современного прозаика А. Вурдова: в тяготении к глубинному, философскому осмыслению конструирования образов специфической – обобщающей – семантики, смысловой насыщенности повествования. В основе такого родства мы обнаруживаем особенности мироотношения авторов, их напряженное стремление выразить глубокие чувства в отношении к родному народу, что коррелирует со спецификой художественной природы опытов их малой прозы.

ЛИТЕРАТУРА

Бычков В. В. Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 81–91.

Вурдов А. И. Водзкыв (Предисловие) // Сир войт (Капля смолы). Сыктывкар: ГУ Редакция журнала «Арт», 2007. С. 5.

Вурдов А. И. «Сизим лун Көрмөй Митълён» (Семь дней Көрмөй Митя) // Сир войт (Капля смолы). Сыктывкар: ГУ Редакция журнала «Арт», 2007. С. 6–28.

Вурдов А. И. Послесловие // Ирвинские сны. Сыктывкар: ООО Изд-во «Кола», 2008. С. 142.

Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. СПб.: Изд. И. К. Борисова, 1914. Ч. 3. 154 с.

Жаков К. Ф. Нялай // Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1990. С. 147–156.

Кузнецова Т. Л. Автобиографический роман «Сквозь строй жизни» // Серия препринтов «Научные доклады» КНЦ УрО. Вып. 269: Демин В. Н., Кузнецова Т. Л., Лисовская Г. К., Микушев А. К. Творчество К. Ф. Жакова. Сыктывкар, 1991. С. 23–32.

Кузнецова Т. Л. Осмысливая пережитое... (некоторые тенденции развития современной прозы) // Арт. 2000. № 2. С. 112–124.

Кузнецова Т. Л. Отношения героя с миром в творчестве К. Жакова и коми прозе конца XX – начала XXI века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 103–109.

Кузнецова Т. Л. Творчество К. Ф. Жакова и коми проза конца XX – начала XXI в.: отношения героя с миром // Вопросы уральстики. 2009. СПб: Наука, 2009. С. 430–447.

Кузнецова Т. Л. Традиции К. Ф. Жакова в новейшей коми прозе // Традиции и инновации в истории и культуре / (Отделение историко-филологических наук РАН, Институт этнологии и антропологии РАН; отв. ред-ры А. П. Деревянко, В. А. Тишков). М., 2015. С. 488–499.

Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 184 с.

Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. СПб.: Изд-во Алетей, 1997. 508 с.

Микушев А. К. К. Ф. Жаков и фольклор // Серия препринтов «Научные доклады» КНЦ УрО. Вып. 269: Демин В. Н., Кузнецова Т. Л., Лисовская Г. К., Микушев А. К. Творчество К. Ф. Жакова. Сыктывкар, 1991. С. 6–11.

Сорокин П. А. Грезы севера (К. Ф. Жаков. На Север в поисках за Памом Бур-Мортом; В хвойных лесах; Из жизни и фантазии; Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере) // Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2014. С. 59–64.

Поступила в редакцию 09.03.2017

Кузнецова Татьяна Леонидовна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26
e-mail: kuznetsovati@mail.ru

T. L. Kuznetsova

On the peculiarities of perception of the creative heritage of the Komi writer K. Zhakov

The article presents the results of the study of the relationship of the creative heritage of K. F. Zhakov, philosopher, creator of an original philosophical system, the known Komi writer who gained popularity in Russia in the early XX century, with Komi prose of the late XX and early XXI century. The proximity of K. Zhakov's creative searching with the creative activity of the prose writer A. I. Burdov is revealed. It is shown that A. Burdov is close to a creative manner of the great K. Zhakov by the peculiarities of the narration along with congeniality of specifics of the flash fiction genre, often defined as sketches or works similar to sketches, and characters formation.

Keywords: Komi literature, K. F. Zhakov, A. I. Burdov, latest Komi prose, literary traditions, specificity of characters formation, peculiarities of narration.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 2, pp. 80–88. In Russian.

REFERENCES

Bychkov V. V. Simvolizatsiya v iskusstve kak esteticheskii printsip [Symbolization in art as an aesthetic principle]. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2012, no. 3, pp. 81–91. In Russian.

Burdov A. I. Predislovie [Preface]. *Kaplya smoly* [Drop of resin]. Syktывkar: GU Redaktsiya zhurnala «Art» [Editorial Board of J. «Art»], 2007. P. 5. In Komi.

Burdov A. I. “Sizim lun Kormoi Mit’lon” [Seven days Kormoi Mitya]. *Sir voit* [Drop of resin]. Syktывkar: GU Redaktsiya zhurnala «Art» [Editorial Board of J. «Art»]. 2007. Pp. 6–28. In Komi

Burdov A. I. Posleslovie [Afterword]. *Irvinskije sny* [Irvinsky dreams]. Syktывkar: “Kola” Publ., 2008. P. 142. In Russian.

Zhakov K. F. *Skvoz' stroi zhizni* [Through the system of life]. St. Petersburg: I. K. Borisov Publ., 1914. Pt. 3. 154 p. In Russian.

Zhakov K. F. Nyalai. Zhakov K. F. *Pod shum severnogo vetra. Rasskazy, ocherki, skazki i predaniya* [To the sound of the North wind. Stories, essays, fairy tales and legends]. Syktyvkar: Komi Book Publ., 1990. Pp. 147–156. In Russian.

Kuznetsova T. L. Avtobiograficheskii roman “Skvoz' stroi zhizni” [Autobiographical novel «Through the system of life»]. Series of preprints “Scientific Reports” of Komi Res. Centre, Ural Branch. Issue 269: Demin V. N., Kuznetsova T. L., Lisovskaya G. K., Mikushev A. K. *Tvorchestvo K. F. Zhakova* [K. F. Zhakov's creative activity]. Syktyvkar, 1991. Pp. 23–32. In Russian.

Kuznetsova T. L. Osmyslivaya perezhitoe... (nekotorie tendencii razvitiya sovremennoi prozy) [Reflecting on the life experiences... (Some trends of the modern prose development)]. *Art*, 2000, no. 2, pp. 112–124. In Russian.

Kuznetsova T. L. Otnosheniya geroya s mirom v tvorchestve K. Zhakova i komi proze konca XX – nachala XXI veka [The relationship of the hero with the world in the works by K. Zhakov and Komi prose of the late XX – early XXI century]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. Izhevsk: “Udmurt Univ.” Publ., 2009, no. 1, pp. 103–109. In Russian.

Kuznetsova T. L. Tvorchestvo K. F. Zhakova i komi proza konca XX – nachala XXI v.: otnosheniya geroya s mirom [The relationship of the hero with the world in the works by K. Zhakov and Komi prose of the late XX – early XXI century]. *Voprosy uralistiki* [Problems of Uralistics]. 2009. St. Petersburg: Nuaka, 2009. Pp. 430–447. In Russian.

Kuznetsova T. L. Tradicii K. F. Zhakova v noveishei komi proze [Traditions of K. F. Zhakov in the modern Komi prose]. *Tradicii i innovacii v istorii i kul'ture* [Traditions and innovations in history and culture]. Dept. of History and Philology, RAS, Inst. of Ethnology and Anthropology, RAS; Eds. A. P. Derevyanko, V. A. Tishkov, 2015. Pp. 488–499. In Russian.

Lipovetsky M. N. *Poetika literaturnoi skazki (na material russkoi literatury 1920–1980-h godov)* [Poetics of the literary fairy tale (on material of Russian literature of the 1920–1980-s)]. Sverdlovsk: Ural Univ. Publ., 1992. 184 p. In Russian.

Likhachev D. S. *Istoricheskaya poetika russkoi literatury* [Historical poetics of Russian literature]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 1997. 508 p. In Russian.

Mikushev A. K. K. F. Zhakov i folklor [K. F. Zhakov and folklore]. Series of preprints “Scientific Reports”, Komi Res. Centre, Ural Branch. Issue 269: Demin V. N., Kuznetsova T. L., Lisovskaya G. K., Mikushev A. K. *Tvorchestvo K. F. Zhakova* [Creativity of K. F. Zhakov]. Syktyvkar, 1991. Pp. 6–11. In Russian.

Sorokin P. A. Grezy severa (K. F. Zhakov. Na Sever v poiskah za Pamom Bur-Mortom; V hvoinykh lesakh; Iz zhizni i fantazii; Ocherki iz zhizni rabochih i krestyan na Severe) [Dreams of the North (K. F. Zhakov. To the North in search for Pam Bur-Mort; In coniferous forests; From the life and fantasies; Sketches from the life of the workers and peasants in the North)]. Sorokin P. A. *Rannie sochineniya: 1910–1914 gody*. Sorokin P. A. [Early works: 1910–1914]. St. Petersburg: “Mir” Publ., 2014. Pp. 59–64. In Russian.

Received 09.03.2017

Kuznetsova Tatyana Leonidovna,

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Associate,
Institute of language, literature and history the Komi research center,

Ural Branch of Russian Academy of Sciences
GSP-2, 26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar 167982, Russian Federation
e-mail: kuznetsovatl@mail.ru